

Веч. Москва. — 1999 — 3 ноября — с. 5
Елена ПРУДНИКОВА

Муравьев возвратил публику в Золотой век фортепиано

Питерская публика после первого отделения не бисует. А уж в зале Капеллы этого тем более не может быть, потому что не может быть никогда. Тем не менее исполнитель ушел за кулисы, а аплодисменты продолжались. Погас свет на сцене и вновь зажегся, уступая настойчивости зала. А когда антракт все-таки начался, телефон на служебном входе оказался в осаде. «Приезжай хоть на второе отделение: такой концерт!».

Основные концерты в Капелле — хоровые. По совместительству этот зал выполняет роль полигона, где питерской публике представляют малоизвестных исполнителей. А публика здесь специфическая. Костяк ее составляют люди с испытующим взглядом. «Ну-ну, и что вы нам покажете?» — они словно бы просвечивают артиста насквозь. Это и есть те самые сверхвысказательные питерские меломаны, которых так боятся музыканты. В тот вечер они нарушали все неписанные ритуалы: Один бис... два... три... Три биса в этом зале редко имеют даже именитые музыканты, а тут какой-то никому не известный пианист, да еще, вдобавок, из Москвы...

Впрочем, почему Александра Муравьева не знают — вопрос не к питерцам, а к москвичам. Это они его не представили, не объяснили широкой публике, что это за музыкант. Концерт устроила немногочисленная группа питерских поклонников пианиста, знавших его в основном по рабочим записям — на бытовом магнитофоне!

Участие в организации принимала газета «Вечерняя Москва», а финансировал концерт Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат.

Приглашая Муравьева, устроители не ошиблись в расчетах. Наш разыскательный зал он «взял» сразу и держал два с половиной часа, что для Питера невероятно много. «Чакона» Баха в обработке Брамса, «Анданте с вариациями» Гайдна, 28-я соната Бетховена — только в первом отделении. У нас не бывает таких длинных концертов. Но никто не жаловался на усталость и не поглядывал на дверь. А после концерта с гордостью организаторы слышали: «Мы не думали, что сейчас можно так играть!». «Таким концертом гордились бы лучшие залы России!».

Что это было? Воспоминание? Нет, мечта о Золотом веке фортепиано. Так, наверное, играли в прошлом веке. То есть никто не знает, как там на самом деле играли, но считается, что музыке того времени были присущи именно эти свойства — открытость, бесстрашие, полет души. Но это было ни в коей мере не ностальгирующее ретро, а новый виток спирали, старая школа на новом уровне понимания и воспроизведения. Что же касается собственно мастерства, владения инструментом, тут лучше всего подходит слово «виртуозный» в точном переводе, что значит «доблестный». Ярко, радостно, блестяще и — удивительно светло, что особенно ценно в наше темное время.

Описывать же трактовку, звук, интонацию не стану — какой смысл?

Санкт-Петербург